

Илья ГЛАЗУНОВ: "Я ГОВОРЮ ВРАГАМ — НЕ ДОЖДЕТЕСЬ!"

фото Геннадия ЧЕРКАСОВА

У Ильи Глазунова тяжелейший инфаркт — новость разнеслась по Москве взрывной волной. И когда я шел к моему другу в больницу, то волновался, каким же я увижу Глазунова. Для меня он всегда был человеком-мотором, живущим в постоянном движении, в потоке дел и новых идей, в борьбе за свои идеалы. То, что я увидел, меня поразило. Илья Сергеевич абсолютно не изменился. Лишь домашний халат подчеркивал некую новизну обстановки. Та же сигарета, та же стремительность, тот же блеск в глазах. Я подумал: Глазунов не был бы Глазуновым, если бы даже здесь, в строжайших больничных условиях, после инфаркта не устанавливал своих внутренних порядков. Уже на следующий день после инфаркта в реанимации он курил сигареты. Правда, всего лишь пять штук в день, тогда как обычная его норма — пачка и более. На столе книги, рукописи, наброски будущих полотен...

— Илья Сергеевич, первый и, наверное, самый важный вопрос: как вы себя чувствуете?

— Я себя чувствую прекрасно и надеюсь скоро быть в строю.

— Сегодня ваш день рождения, и в эти же дни у вас замечательная дата — сорок лет творческой деятельности. Что же за это время сделано, что волнует?

— Больше всего волнует то, сколько еще не сделано в творческом плане. Постоянно мысли возвращаются к картинам, статьям, книгам. Но особенно болит душа об Академии живописи, ваяния и зодчества. Воссозданная мной она живет и является нашей гуманитарной помощью миру по возрождению духовности и сохранению русской и европейской культуры. Но я удивляюсь, что никто не хочет помочь в завершении рекон-

струкции здания, построенного великим Баженовым. Для меня высшим комплиментом являются слова Виктора Степановича Черномырдина, когда он, глядя на работы студентов, сказал: это, наверное, картины из Третьяковки и вы их взяли для копий, чтобы студенты учились? Нет, сказал я, это дипломные работы наших студентов. Впрочем, был указ Ельцина о передаче академии в федеральную собственность. Хотя раньше нам помогала мэрия. Теперь в результате межведомственной неразберихи образовалась некая петля, из которой просто не знаешь как выбраться. А вокруг всевозможные фестивали поп- и рок-музыки, какие-то бесконечные тусовки, на которые почему-то всегда находятся деньги. Но, увы, никто не думает о школе, где должны учиться сотни сегодняшних детей — будущая слава России.

— Илья Сергеевич, понимаю, что вопрос несвоевременный, и тем не менее: смогут ли в скором времени москвичи, жители России увидеть Вашу выставку?

— Мою выставку... Вы знаете, здесь, в больнице, меня посетил мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков, за что я ему очень признателен. Он вспомнил, что в этом году 40 лет моей творческой деятельности, подбодрил и сказал, что выставка обязательно будет. Возможно в Манеже. Для меня это очень важно, потому что я хоть и родился в Петербурге, но как русский художник сложился именно в Москве. А что ж касается моего предложения подарить все мои работы в честь 850-летия Москвы городу, то, к сожалению, реальной поддержки это предложение не находит. Все мои работы пока остаются в подвалах, и не один музей пока еще не проявил инициативы.

(Окончание на 2-й стр.)

Илья ГЛАЗУНОВ: "Я ГОВОРЮ ВРАГАМ — НЕ ДОЖДЕТЕСЬ!"

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Художник даже в самые критические минуты остается художником, человеком творческим. Поэтому хотелось бы узнать, каковы ваши творческие планы.

— Сейчас у меня в мастерской находится холст 9 на 4, где я хочу воплотить мой старый замысел, который и ныне весьма актуален. Представьте себе: Пасхальная ночь, народ выходит из церкви, им навстречу разнузданной походочкой идут комиссары и красноармейцы с тем, чтобы закрывать храм. Вот и похристосовались... Это был пик, с которого начала рушиться русская культура, русская цивилизация. Столкновение двух миров — мир святой Руси и хищный мир атеистов-коммунистов. Это первая картина. И еще у меня есть альбом со 150 работами, которые мне также хотелось бы привести в божеский вид. Многие из этих работ несут в себе историческую правду. Вообще, я склонен считать себя историком, потому что я в течение 30 лет занимаюсь историей. И я пришел к убеждению, что историк — это тот, кто оперирует исключительно документами и фактами. В отличие от тех горе-историков, которые с легкой руки Покровского и коминтер-

новских ученых научились лишь жонглировать идеологическими постулатами. Представьте себе, недавно прочитал в правительственной газете "Российские вести" статью какого-то автора, который пишет, что все службы и документация в церквях вплоть до XVII века велись на тюркском языке. Ну не нонсенс ли? А может быть, это вторая волна разграбления истории, подверстанная к ленинскому лозунгу "Грабь награбленное"? А ведь мы хотим жить в великой России, где все должно основываться исключительно на исторической правде.

— И последний вопрос: что бы вы хотели сказать вашим друзьям, почитателям и, как ни странно, врагам?

— Врагам отвечу так — не дожидетесь! А вообще мне хотелось бы вспомнить слова Петра, сказанные им перед Полтавской битвой: "О Петре же ведайте, что жизнь ему не дорога. Жила бы Россия во славе и благоденствии".

И еще одно: надеюсь, что вскоре я смогу познакомить читателей со своей книгой "Россия распятая", над которой я работаю даже здесь, в больнице.

Павел ГУСЕВ.